

Прошлое— Папа, — начал Иккинг, — я хочу начать с того, что мне жаль. Знаю, говорил это уже столько раз, что слова почти потеряли смысл, но сейчас я действительно имею в виду. Особенно потому, что надеюсь, что это будет последний раз, когда я говорю это и причиняю тебе разочарование. Разочарование... Я точно принес тебе его немало; прости, папа. До сих пор не понимал, насколько много. Когда мы разговаривали в моей мастерской, я понял, как тяжело было быть моим отцом. Мне очень жаль. Поэтому я решил, что не могу остаться. Может быть, в последнее время мне стало... лучше, но это, вероятно, просто этап, еще одна короткая глава, прежде чем я снова начну разочаровывать тебя, а этого я не хочу. Не хочу, чтобы ты грустил и злился, папа. Ты заслуживаешь лучшего. Смотри на себя со стороны, я понимаю, что никогда не был тем сыном, которого ты заслуживаешь. Мне жаль, что я не смог им стать, папа, правда жаль. Надеюсь, с моим уходом твои проблемы уменьшатся. Ты можешь выбрать себе достойного наследника — как бы мало ни весили мои мысли, если они тебе нужны, я бы выбрал Астрид Хофферсон. Она самая уравновешенная из младшего поколения, быстро соображает, отличный воин и лидер — и тебе не придется беспокоиться о том, что я вылезу наружу во время набегов, чтобы обойти деревню. Я буду думать о вас — надеюсь, что вы найдете несколько приятных воспоминаний обо мне, чтобы остановиться на них среди беспорядка. Я не опозорю имя Хэддока; знаю, ты не хотел бы, чтобы я использовал его за пределами Берка, будучи мной и все такое, поэтому я оставляю его здесь, с тобой. Прощай, папа. Прости, что я не смог стать тем, кем ты хотел меня видеть; теперь твое бремя будет легче, и я рад, что могу хотя бы сделать это для тебя и для Берка. Иккинг Стоик смотрел на пергамент, не видя его, слова не укладывались в голове. Вернувшись домой и обнаружив, что огонь потух, а в доме тихо, он подумал, что это странно, но не слишком — его сын всегда бодрствовал в любое время суток. Но когда они разговаривали в кузнице, Иккинг показался ему усталым. Тогда Стоик поднялся в крохотную комнатку, которой пользовался его сын, чтобы проверить, не заснул ли он за своим столом — что случалось часто — и обнаружил, что комната чиста и пуста. Ни малейшего следа Иккинга; кровать была разобрана, шкафы голые, обычный беспорядок полностью исчез. Казалось, что его сына, его Иккинга, вообще никогда здесь не было. Стоик моргнул и понял, что смял пергамент в своем мясистом кулаке. В панике он вскрикнул, расправляя его и смазывая некоторые слова, написанные углем точной рунической рукой его сына. Увидев, что руны расплылись, он словно очнулся; нет, этого не могло случиться. Его сын не мог исчезнуть вот так просто. Не мог. Вождь слез с кровати сына, где он нашел записку, пронесся по дому, называя имя сына, а затем вышел на площадь и понесся вниз по склону холма, ведущему к его дому, как разъяренный дракон. На улице оставалось всего несколько человек; приближалась зима, и после того, как скудное солнце закатилось в море, оставаться долго на улице было безрассудно. Однако, узнав, что случилось с их новым героем, все больше и больше людей стали надевать плащи и зажигать факелы, готовые прочесывать остров. В конце концов, солнце заглянуло на остров, который не спал, но все равно пришел с пустыми руками. Одна из крошечных лодок была объявлена пропавшей; ею мог управлять один человек, и она могла отплыть на некоторое расстояние, но не далеко. Были созваны корабли, в них вливались люди. Моря вокруг Берка были обысканы, но юного Иккинга Многообещающего так и не нашли. Плевака больше не улыбался. Стоик был безутешен. В деревне скоро узнали, почему пропал его сын, и впервые назвали его трусом за то, что он убежал. Плесень лишилась всех передних зубов, но звонкий голос Стоика заставил почти всех услышать: его сын ушел не из-за страха, а из-за долга. Иккинг не понял, Стоик сказал что-то такое, что заставило его подумать, что он не нужен, что он обуза для племени и нелюбим отцом. Поэтому Иккинг был там, доказывая свою правоту. Он вернется только тогда, когда станет героем. Стоик никогда не говорил о том, на что так определенно намекало письмо. Никто, кроме Плеваки, его не видел. Многие из жителей деревни бормотали, думая, что он не слышит, размышляя над иронией судьбы. Ребенок действительно был обузой в глазах многих; большинство видело потенциал в его интеллекте, и он был молодым парнем, в конце концов, хорошим в кузнице, несмотря на свои маленькие руки. Со временем он наберется сил и

откажется от своих юношеских замашек. И вот теперь, когда он только начал наконец расти, Стоику пришлось пойти и прогнать его. Типично. И все же большинство великих викингов отправлялись в плавание — Иккинг ничем не отличался от них. В конце концов, его прадед не заработал свое состояние и богатство (которые все еще не были найдены, благодаря этой проклятой поэтической карте), оставаясь на берегу Берка. Жизнь шла своим чередом, и никаких вестей о мальчике в Берк не поступало. Стоик надевал свои доспехи и шел вперед. Для кузнеца не было неожиданностью, когда Стоик заговорил с Плевакой о том, чтобы молчаливо назначить Астрид своей новой наследницей. Удивительно было, когда она отказалась. А потом — нет; Стоик хотел удочерить ее, чтобы продолжить род Хэддоков, но Хофферсонам это, вероятно, не слишком понравилось. Астрид была их единственной девочкой, талантливой и смелой, сильной и способной. По словам Гоббера, деревне, вероятно, понравилась бы перспектива того, что она станет наследницей, хотя это и не означало, что Иккинг не вернется, но большинство поняло бы нежелание клана Хофферсонов терять такого члена, пусть даже ради благородной цели. В итоге Астрид лишь еще раз доказала правоту сына, предложив лучшее решение. Она подарила ему свой щит, попросив беречь его. В обычных обстоятельствах это означало бы, что она планирует остаться незамужней, быть девой-щитницей для Берка и позволить Стоику призвать ее в качестве воина в любое время, когда Берку это понадобится. Теперь же это означало союз и объединение их двух кланов. Сначала он думал, что это идея ее отца, пока Стоик не увидел его изумленное лицо; в конце концов, план был воплощенным коварством. Астрид Хофферсон, по всем признакам, теперь была помолвлена с его сыном, и ее щит находился под его опекой как отца Иккинга, а не как Стоика Обширного, вождя Берка. Она могла бы стать его наследницей, если бы худшие опасения Стоика подтвердились, и письмо оказалось правдой. Но ее семья не отдала бы ее за невесту, не оценив ее истинную цену. — "Когда Иккинг вернется, если он вернется с женой, все можно будет пересмотреть", — твердо заявила она. Стоик, старая птица в этой игре, видел, как гордость пылает в глазах Хакни Хофферсона. Дочь его, действительно, предложила лучшее политическое решение. Но, глядя на нее, сидящую на скале у Рейвен-Пойнта, вглядывающуюся в море, он задумывался. Он чувствовал, что Гоббер сильно обижен на него, хотя тот старательно скрывал свои чувства. Разгорались споры, пока не переросли в настоящую кулачную драку, подобной которой не было с тех пор, как он потерял пальцы на ноге, разыскивая проклятое сокровище. Оба остались в синяках, но потом их отношения смягчились. Но внезапные приступы угрюмой меланхолии Гоббера продолжали давать о себе знать. Вздыхнув, Стоик с силой толкнул тяжелую дубовую дверь дома Хэддоков. Каждое поколение вождей Хэддоков приходило и уходило, порог этого дома переступали тысячи раз. Но теперь, казалось, этому пришел конец. Пустой дом встретил его темнотой и холодом. Он заставил себя войти, подавляя желание, чтобы Иккинг спустился, встретив его кружкой эля и обнадеживающей улыбкой. Но, конечно, он не спустился. Дом оставался черным и безмолвным, даже когда Стоик сидел в своем кресле, оглядываясь по сторонам. Снаружи спала деревня, и никогда еще его дом не казался таким мертвым. Он сам был единственным выжившим ребенком, но никогда не помнил, чтобы этот дом был таким пустым. Его родители, бабушки и дедушки всегда заполняли его, когда он рос. Несмотря на то, что он потерял всех своих братьев и сестер из-за драконов, болезней или моря, ему никогда не приходило в голову, что он будет последним. Его дедушка и бабушка ушли в мир иной, родители последовали за ними, еще в раннем детстве Иккинга. После того, как Вал был похищен проклятыми чудовищами, его шурином Спитлаут и Гоббер часто подменяли друг друга. И, конечно, всегда был его милый, умный Иккинг. И все же Стоик каким-то образом умудрился пропустить все это сквозь пальцы, как сухой песок на пляже. Он задался вопросом, чувствовал ли это Хэмиш Хэддок II, ведь его место занял родной отец Стоика, брат наследника. Но потом вспомнил, что Хэмиш и отец Стоика были близки, что отец Стоика тоже происходил из рода Хэддоков, и что, конечно, Хэмиш отправился в поход только для того, чтобы обеспечить состояние их отца; он не собирался не возвращаться. Иккинг так и думал. Он и вправду так думал. Впервые за

несколько месяцев, прошедших с тех пор, как он впервые прочитал аккуратно сложенную и аккуратно написанную записку, Стоик Обширный позволил себе увидеть правду и горько заплакать. Его сына, его последней, самой любимой семьи больше нет. Иккинг ушел с мыслью, что он не стоит для своего отца ничего, кроме разочарования и печали. Завтра Стоик Обширный должен был проснуться, надеть шлем и выйти в деревню, чтобы стать ее вождем, судьей, руками, ногами и головой. Сегодня же он позволил себе быть отцом и мужчиной; отцом, который невольно прогнал своего сына, презирая его, и мужчиной, который по своему невежеству оказался в полном одиночестве.

<http://tl.rulate.ru/book/92895/3043385>